

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Хаминова Дмитрия Викторовича

«Историческое образование и наука в советской высшей школе:

региональный аспект (на материалах Сибирского

научно-образовательного комплекса)»,

представленную на соискание ученой степени доктора исторических

наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история)

Актуальность представленной диссертации не вызывает сомнений и определяется общим вниманием современной историографии к истории исторического образования, находящегося в данный момент в стадии болезненной перестройки. Значительный интерес к историческому образованию можно наблюдать и со стороны различных политических сил, стремящихся использовать этот важный символический ресурс в своих интересах. Стоит подчеркнуть и особую, «корпоративную», актуальность темы для преподавателей исторических дисциплин в вузах. В их случае рефлексия над прошлым исторического образования – это всегда попытка понять ее современное состояние и вполголоса озвучить робкие надежды на будущее.

Региональный ракурс исследования более чем оправдан, поскольку местная специфика всегда накладывала свой яркий отпечаток на любые общероссийские процессы. Собственно, региональный подход во многом определяет новизну диссертации Д. В. Хаминова. Кроме того, автор постулирует применение концепции «центр-периферийных отношений». Структура диссертации соответствует поставленным цели и задачам.

Наверное, соискатель не совсем точно указал объект своего исследования, определив его как «образование и наука в советской высшей школе» (С. 48) Корректнее говорить об «историческом образовании и науке в советской высшей школе». Думаю, что больше внимания следовало уделить определению территориальных рамок и рассмотреть в историческом ракурсе процесс конструирования Сибири как особого региона.

Впечатляет объем привлеченной для исследования научной литературы. Впрочем, создается впечатление, что это привело к своеобразной «библиографической инфляции», когда от значительной части указанной литературы можно было бы отказаться без какого-либо ущерба для доказательной составляющей исследования. Встречаются и казусы. Так, пермский историк А.С. Киммерлинг, опубликовавшая ряд работ на английском языке, вошла в список «зарубежных историков» (С. 31), а Л.А. Сидорова из Института российской истории РАН оказалась представителем «омской историографической школы» (С. 36).

Особенно хотелось бы отметить привлечение огромного количества архивных документов. Автор провел работу в 15 архивных хранилищах 12 сибирских регионов. Безусловно, Д. В. Хаминовым проделана значительная поисковая работа. В то же время можно пожелать обратиться к материалам центральных архивов (РГАСПИ, ГА РФ, РГАНИ), в которых отложились многочисленные документы, непосредственно касающиеся развития научно-образовательного комплекса Сибири. Более того, именно документы центральных архивов, отражающие процесс принятия центральной властью решений в отношении исторического образования в Сибири, позволили бы полноценно реализовать заявленный «центр-периферийный подход».

Не вполне корректно звучит применяемое автором понятие «типовая классификация источников». В классическом источниковедении существует конвенция, согласно которой под типом источника подразумевается принцип хранения и кодировки информации (письменные, вещественные, кинофотодокументы, устные источники и т.д.), а виды выделяются в зависимости от функции источника. В диссертации представлены только письменные источники, поэтому о типовой классификации речи не идет. Таким образом, следует говорить о видовой классификации, а не «типо-видовой».

Внимательнее следовало бы отнестись и к используемым в диссертации понятиям, несущим большую методологическую нагрузку. Например, в тексте можно встретить такие понятия, как «сибирская научно-педагогическая школа», «корпоративная идентичность», «внутренняя периферия» и т.д. К сожалению, они никак специально не раскрываются и используются как не требующие теоретической рефлексии. Между тем, не все они имеют однозначное определение. Так, вокруг понятия «научная школа» продолжаются споры, существуют разные подходы к его пониманию и, как следствие, выбору исследовательских стратегий. Из текста диссертации складывается впечатление, что представителем «сибирской научно-педагогической школы» (и что под этим подразумевается?) становится любой историк, волею судеб оказавшийся в сибирском регионе. В этой связи автору следовало бы учитывать современный уровень развития науковедческих (и в частности, историографических) исследований.

Интересной представляется попытка комбинации целого ряда теоретико-методологических подходов. Так, указывается, что «принципиальной методологической новизной исследования стало комплексное применение к материалу отечественной науки и высшего образования, взятому в макрорегиональном ракурсе, нескольких исследовательских стратегий: теории модернизации, концепции «центр-периферийных отношений» и концепции «внутренней колонизации». Совместное использование позволило снять известные крайности некоторых их положений, расширив тем самым границы их применимости» (С. 77). Стремление проанализировать процесс с разных ракурсов можно только приветствовать. Однако возникает опасение, что формально скомбинированный набор исследовательских подходов только усиливает их негативные стороны.

Так, Д. В. Хаминов совершенно справедливо указывает, что модернизационный подход подталкивает исследователя к превращению сложного исторического процесса в набор шаблонных (и идеологически

окрашенных) объяснительных моделей. Но сам автор, применив теорию модернизации, не сумел преодолеть ее недостатки. Часто история развития сибирских научных и образовательных учреждений исторического профиля показана через призму нехитрой схемы: развитие создает потребности в новых кадрах и учреждениях – принимаются организационные меры – потребности удовлетворяются. В итоге происходит более или менее успешное модернизационное развитие. Условно эту схему можно маркировать словами «потребность назрела».

Приведу один пример, чтобы продемонстрировать, что такой подход скорее мешает пониманию реального исторического процесса. В диссертации описывается развитие научно-исследовательских институтов гуманитарного профиля в Новосибирском Академгородке в рамках схемы «потребность назрела» (С. 321). Поскольку такая объяснительная модель вполне удовлетворяет требованиям модернизационного подхода, то, казалось бы, дальнейшие исследования и поиски новых объяснений излишни. Но реальная история, как всегда, была более сложной и интересной. А дело было так. К началу 1960-х гг. в рамках единственного общественно-гуманитарного учреждения Академгородка, Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, существовал отдел гуманитарных исследований, куда входили и специалисты по археологии и истории. Внутри института к середине 1960-х гг. вспыхнул острый конфликт между политэкономистами «старой закалки» во главе с директором Г. А. Пруденским и сторонниками применения математических методов и ЭВМ в экономических исследованиях во главе с А. Г. Аганбегяном, которого поддерживал руководитель Академгородка М. А. Лаврентьев. Но поскольку главный патрон М. А. Лаврентьева, Н. С. Хрущев, был смещен в 1964 г. у противников М. А. Лаврентьева и А. Г. Аганбегяна появилась возможность активно апеллировать к новосибирским и московским партийным органам. В конце концов, конфликт закончился победой А. Г. Аганбегяна, но ситуацией воспользовались представители общественных и гуманитарных

дисциплин (в том числе археологи и историки), акцентируя внимание комиссий, направленных для разбора ситуации, на «зажим» их научных направлений со стороны «естественников». В результате было рекомендовано организовать несколько отдельных институтов общественно-гуманитарного профиля. Так и появился в 1966 г. Институт истории, филологии и философии. Со стороны партийных органов создание общественно-гуманитарных институтов рассматривалось как инструмент повышения в Академгородке роли «идеологических» дисциплин в противовес строптивым технократам-естественникам (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Ед. хр. 111). В свете описанных событий процесс создания главного исторического института СО АН СССР предстает как сложный процесс, в котором переплетаются такие явления, как патронаж, борьба амбициозных лидеров и группировавшихся вокруг них научных сетей, умение ученых использовать механизмы работы партаппарата в своих целях и, наоборот, желание того использовать ученых в качестве инструмента продвижения нужной политики. Уверен, что таких историй в развитии исторической науки и образования в Сибири было немало, а реконструкции их только бы украсили диссертацию.

Не очень понятно, какая роль в исследовании отведена концепции «внутренней колонизации», поскольку выясняется, что она «выступает здесь скорее в качестве метафоры, не претендуя на парадигмальную новизну» (С. 139). Вообще «концепция-метафора» имеет довольно непростую историографическую судьбу в последнее время и прочно ассоциируется с работами А. Эткинда. Судя по всему, соискатель опирался именно на них. Во всяком случае, ссылки на «большое число сторонников» этой теории ограничиваются публицистическими статьями Б. Б. Родомана и книгой А. Эткинда «Внутренняя колонизация». Стоит отметить, что в адрес А. Эткинда прозвучало немало критических выпадов. В целом ряде рецензий (например, М. А. Киселева, А. Н. Круглова) было показано, что ключевые положения концепции А. Эткинда (например, о «сырьевом» характере

бюджета Московского государства) не выдерживают верификации, поскольку автор регулярно отбрасывает «неудобные» факты, а зачастую просто их перевирает в угоду уже выстроенной априорной схеме. Мне кажется, что в этом контексте с данной «концепцией-метафорой» следует обращаться осторожнее.

Концепция «внутренней колонизации» отличается и еще одной чертой: целый ряд ее ключевых положений просто невозможно доказать. Их приходится фактически принимать на веру. Например, в диссертации на стр. 118 можно обнаружить следующее утверждение: «Отсюда неизбежность вынужденной апелляции советского руководства к традиционным социоментальным основаниям российского общества в общих чертах сформировавшимся в период позднего Средневековья (XV–XVI вв.)». Сразу же возникает вопрос: о каких чертах идет речь? Но это не главное. Гораздо интереснее было бы выяснить: на каких источниках можно исследовать «социоментальные основания» российского общества XV–XVI вв. Немногочисленные тексты «высокой» культуры общества раннего Нового времени вряд ли помогут нам понять массовую политическую культуру того времени. Тем более проблематичным представляется определить соотношение «социоментальных оснований» общества XV–XVI вв. и XX в. Опыт показывает, что все сводится к произвольному конструированию и отбору одних «оснований» как архаических, а других – как не архаических. В любом случае, каждое подобное утверждение требует подтверждения хотя бы ссылками на литературу.

В диссертации подробно реконструирована фактическая сторона развития основных институций исторического образования и науки Сибири. Стоит отметить обилие фактического материала, свидетельствующего о значительности проделанной работы. Интерес представляет реконструкция прохождения идеологических кампаний «позднего сталинизма» в сибирских вузах. Автор совершенно справедливо связывает переезд в сибирские вузы некоторых ведущих советских историков с гонениями на них в Москве и

Ленинграде в ходе идеологических кампаний. Смена места работы – довольно распространенная стратегия в те годы. Между тем, не совсем корректно звучит утверждение о направленности послевоенных идеологических кампаний «исключительно на определенную общность – интеллигенцию» (С. 290). Достаточно вспомнить дела на Заводе имени Сталина (ЗИС) и на Кузнецком металлургическом комбинате (КМК), где жертвами стали в том числе и простые рабочие. Правильнее говорить о направленности репрессий не исключительно, а преимущественно на интеллигенцию.

Несомненно заслуживает внимания часть диссертации, посвященная «оттепельным» процессам в Томском университете. Хотелось бы, чтобы деятельность полуподпольных кружков была освещена подробнее. Внимание заслуживает разбор аналитической записки И. М. Разгона о совершенствовании работы аспирантуры и докторантуры (1985) – яркого документа эпохи, свидетельствующего о поиске путей улучшения советской диссертационной системы. С большим интересом читается история сибирских вузов в годы перестройки, когда общественно-политическая жизнь приобрела открытый характер.

Вообще, как только за фасадом официозных и формализованных бюрократических отчетов автору удастся увидеть непосредственных участников событий, исследование сразу приобретает совсем иной характер. Процессы теряют свой жестко детерминированный линейный вид, и становится очевидна роль в них самых различных акторов.

Хотелось бы, чтобы в диссертации был подробнее проанализирован образ истории Сибири, который конструировали представители разных поколений местных историков. В работе присутствует краткое описание некоторых концепций сибирских историков, но пока в большей степени господствует энциклопедический «каталожный» подход, фиксирующий библиографию без анализа ее содержания.

Автореферат диссертации и публикации автора по теме исследования, наиболее значимые из которых включены в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание научной степени доктора и кандидата наук, адекватно отражают содержание диссертации. Выводы исследования обоснованы и достоверны.

Следует признать, что диссертационная работа Дмитрия Викторовича Хаминова «Историческое образование и наука в советской высшей школе: региональный аспект (на материалах Сибирского научно-образовательного комплекса)», представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история), отвечает требованиям пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в редакции от 01.10.2018), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а Хаминов Дмитрий Викторович заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент

Ведущий научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской Академии наук (117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; (499) 126-94-49; iriran@mail.ru; www.iriran.ru), доктор исторических наук (07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования)

18.11.2019

Тихонов Виталий Витальевич

